

МОНОПОЛИЗАЦИЯ РЫНКОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ УСЛУГ: БОРЬБА С ДЕМПИНГОМ И НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ОТБОР

В последние несколько месяцев общая динамика отраслевых рынков в России показала очевидный тренд, который заключается в попытках монополизации рынков интеллектуальных услуг, предпринимаемых правительством с использованием подконтрольных ему структур – начиная от аппаратов министерств и заканчивая средствами массовой информации.

Подобные попытки достойны внимания сами по себе, независимо от сложившихся в мировой динамике тенденций, однако на фоне общемировых векторов к усиливающейся стандартизации (например, принятие Болонской декларации в сфере образования) и дифференциации интеллектуальных услуг в рамках укрепившихся стандартов заслуживают обсуждения вдвойне.

Общая логика развития событий с глобальной точки зрения заключается в том, что мы живем в эпоху возрастающего «давления» (перепроизводства) элит, иначе говоря, выгодных мест оказывается гораздо меньше, чем желающих их занять. Это не российская специфика, а общая характеристика нынешнего состояния современной цивилизации. В этих условиях превалирует ценность не знаний, не квалификации, а знаковых сигналов об их получении (дипломов), позволяющих повысить формальный статус и занять социальные позиции, которые в отсутствие диплома были недоступны. Как говорит историк и математик Петр Турчин, «большинство студентов учится не для того, чтобы получить образование, а для того, чтобы получить диплом, который дает преимущества в конкуренции за рабочие места» [1]. Ситуация, когда учащиеся в основном стремятся к знаниям, означает расцвет общества, ситуация, когда более ценен диплом, - его упадок. «Давление» элит закономерно приводит к «инфляции» дипломов, погоня за которыми порождает отдельную отрасль экономики, охватывающую несколько локальных рынков. Устройство этих рынков, не признавать наличия которых уже невозможно, должно стать предметом отдельных исследований.

I. Рынок услуг по написанию и защите диссертаций: борьба с «неудобными» диссертационными советами

Не вызывает сомнений тот факт, что написание диссертации и ее «проведение» через диссертационный совет давно превратились в услугу, оказываемую клиенту, по тем или иным причинам нуждающемуся в получении ученой степени. Защита диссертации и присуждение степени не отражают научных достижений диссертанта, а являются результатом оказанной ему интеллектуальной услуги.

Сегодня, по оценкам некоторых экспертов, самостоятельно пишут диссертации лишь 20% соискателей ученой степени, остальные заказывают эти услуги "на стороне" за денежное вознаграждение [2].

Обращает на себя внимание сумма этого вознаграждения. Согласно данным Интернет-сайтов, предлагающих соответствующие услуги (ссылок на них не даем, дабы не создавать им рекламы), подготовка кандидатской диссертации занимает около двух месяцев и требует оплаты в размере от 50 до 200 тыс. рублей. Подготовка докторской диссертации отнимает около полугода и обходится в сумму около 600 тыс. рублей.

Понятно, что в такие сроки и за такую сумму никакие «ведущие» ученые и преподаватели, услуги которых рекламируют соответствующие сайты, работать не будут. По настоящему ведущим ученым, имеющим доступ к финансированию исследовательских проектов, гораздо выгоднее получить грант в одном из фондов, предоставляющих средст-

ва на проведение научных исследований: оплата там выше, а требования к отчету, предъявляемому на «выходе», не столь жестки и объемны по сравнению с текстом диссертации, особенно с учетом необходимости выполнения многочисленных формальных требований к диссертационной работе.

Таким образом, цены на рынке диссертаций однозначно указывают на то, что мы имеем дело с откровенной халтурой, скачанной из Интернета и сведенной под одну обложку под видом диссертационной работы. Собственно, многочисленные подтверждения этому получены в последнее время, с тех пор, как диссертации стали проверять на предмет наличия недобросовестных заимствований (попросту говоря – плагиата). Поскольку заказчик работы никогда не может быть уверен в том, что ему продали действительно оригинальный текст, ставший результатом выполненного на заказ исследования, и заранее подозревает в недобросовестности своих исполнителей, то более высокую цену за такую работу никто не предложит, а при наличии низких цен, сложившихся на данном рынке, не приходится ожидать качественно выполненной работы.

Тем самым, на рынке диссертаций сформировался механизм неблагоприятного отбора, в строгом соответствии с моделью Дж. Акерлофа: качественные блага исчезают с рынка, и на нем остаются только поставщики «лимонов». Этот механизм приводит к падению среднестатистического уровня диссертаций, к вырождению значительной части сложившейся системы научных исследований, к снижению квалификации обладателей ученых степеней.

Заметим, что сложившаяся система поощрений в сфере научных исследований стимулирует наращивание количества и объема публикаций, в особенности имеющих высокий статус (чего стоит хотя бы разделение журналов на входящие и не входящие в так называемый перечень ВАК или их градация в соответствии с так называемым индексом цитирования), но отнюдь не стимулирует наличия правдивого, адекватного истине содержания научных публикаций. «Самым гарантированным методом получения очередного гранта или предложения о работе считается публикация результатов в наиболее рейтинговых журналах, что порождает в учёных нездоровое стремление к сенсации даже там, где её нет, а иногда доводит и до мошенничества» [3]. В результате в печать попадают непроверенные, а иногда и просто ошибочные результаты, которые «рассыпаются» при любых попытках их воспроизвести. Такое положение дел не составляет российской специфики, и этому вопросу посвящено немало зарубежных исследований, в том числе в областях, имеющих непосредственное отношение к сохранению жизни и здоровья людей, – в медицине и клинической фармакологии [3]. Таким образом, следует вести речь не только о систематическом недобросовестном заимствовании в текстах диссертаций, но и о падении качества научных исследований вообще.

Забавно, что серия недавних разоблачений авторов диссертационных работ, содержащих недобросовестные заимствования, породила экзотическую услугу: клиентам предлагается за сумму около 500 долларов проверить собственную диссертацию на плагиат. При этом само предложение проверить свою работу на предмет плагиата никого не шокирует, оно воспринимается не как цитата из английского юмора, а как реклама очередной услуги из широкого спектра существующих интеллектуальных услуг.

Приходится согласиться с мнением, высказанным нашим премьер-министром Д.А. Медведевым: количество «липовых» кандидатов и докторов наук зашкаливает за все возможные пределы [4]. К этому следует добавить, что и наглость этих лжеученых не знает границ. В качестве примера приведем диссертационную работу [5], защищенную в 2003 году в МГТУ им. Н.Э. Баумана, в которой текст на с. 33-51 полностью, без всяких изъятий (и, естественно, без ссылки на первоисточник) заимствован из учебного пособия [6], а текст на с. 53-62 таким же образом заимствован из работы [7]. Подобные фрагменты чужих текстов, которыми пестрит эта диссертация, в совокупности составляют более 80% объема ее основной части. Нетрудно убедиться в том, что эти фрагменты позаимствованы из работ [8-11] и некоторых других.

На фоне подобной деловой активности усиливается пристальное внимание ВАК к диссертационным советам, в которых защищается больше всего диссертаций. Вопрос не в том, что они не обеспечивают надлежащего качества экспертизы научных работ (как это утверждают официальные источники), а в том, что проходящий через эти советы вал диссертаций вызывает естественное подозрение в демпинге. Нет сомнений в том, что опубликованный Министерством образования и науки перечень диссоветов с наибольшим количеством защит за 2009-2011 годы [12] породит еще целую волну соответствующих проверок. Некоторые из этих советов будут закрыты, что едва ли приведет к росту качества диссертационных работ, но – в первую очередь – усилит монополизацию в сфере оказания услуг по защите диссертаций.

Естественно, на фоне этих перемен усилится борьба с частными проявлениями научной недобросовестности. В частности, высока вероятность того, что за проверками диссертаций на плагиат последует шквал лишения ученых степеней, в том числе и присужденных за диссертации, защищенные достаточно давно, как это делается в большинстве развитых стран, где факт плагиата не имеет срока давности [13]. Это потребует пересмотра отдельных норм и положений, которые формально касаются защиты объектов авторского права, а на деле провоцируют их расхищение и недобросовестное использование.

При этом система, разумеется, будет наиболее жесткой к тем, кто занимался плагиатом и воровал чужие тексты самостоятельно, избегая покупки соответствующей интеллектуальной услуги, в отличие от тех, кто «честно» за нее заплатил, поучаствовав в сложившейся системе рентных платежей.

II. Рынок образовательных услуг в сфере высшего образования: борьба с «неугодными» вузами

Автору этих строк уже доводилось писать о том, что решающие причины низкой эффективности и слабой распространенности инновационных процессов в нашей стране заключаются в двух основных аспектах: это высокие барьеры входа на рынок интеллектуального труда для нерезидентов и дешевизна труда на внутреннем рынке нашей страны [14].

На рынке образовательных услуг (как, впрочем, и любых других) и продавцы, и покупатели имеют определенные интересы, лежащие в краткосрочном и в долгосрочном периодах. Если знания являются быстро стареющим товаром, причем этот запас компетенций стареет тем быстрее, чем активнее происходит техническое перевооружение производственных процессов, то знаковый сигнал о получении образования – диплом – гораздо более долговечен. Будучи специалистом с высшим образованием (пусть даже знания, полученные в вузе, давно устарели), индивид способен занять определенное место на социальной лестнице, которое в отсутствии диплома для него недоступно.

Что же касается самого процесса подготовки кадров, то здесь (так же, как и в сфере экономических преобразований) мы часто находимся в плену лозунгов, навязываемых нам развитыми странами, которые (позволю себе напомнить) являются нашими основными конкурентами на рынках высоких технологий. В то время как некоторые из этих стран (в частности, США и Япония) объявляют о переходе к всеобщему высшему образованию для своих граждан, а другие рассматривают это в качестве перспективной задачи, в нашей стране упорно поддерживается миф о слишком большом количестве вузов.

В качестве аргументов в пользу этого тезиса приводятся два основных, противоречащих друг другу, утверждения. С одной стороны, наши вузы якобы не обеспечивают надлежащего качества образования, так что получаемый выпускниками диплом нередко становится формальностью, если не профанацией. С другой стороны, утверждается, что число желающих поступить в вуз слишком велико по сравнению с количеством выпускников средних школ, способных освоить программу высшего учебного заведения.

На самом деле оба эти аргумента не выдерживают даже простейшего сопоставления с реальностью. Выпускники наших вузов вполне конкурентоспособны на мировом рынке труда, поэтому нарекания на качество отечественного образования, очевидно, бьют мимо цели. Контингент же студентов, способных освоить вузовскую программу, формируется, в том числе, и самим вузом, поэтому неспособные будут отсеяны в процессе обучения. Так что государственным органам, надзирающим за качеством образования, волноваться об этом абсолютно не следует.

Но самое смешное, что в качестве рецепта сокращения численности вузов избрана практика их слияния, в результате которой на образовательном рынке возникают трудноуправляемые монстры, лишённые собственной истории и традиций. Понятно, что в результате слияния слабых и маленьких вузов качество образования в них не улучшится, а численность студентов не сократится. Поэтому как исходная посылка о «слишком большом» количестве вузов в нашей стране, так и сложившаяся практика решения этой проблемы ничего, кроме недоумения, не вызывают.

В качестве инструмента решения соответствующей проблемы был избран так называемый рейтинг эффективности вузов, основанный исключительно на «входных» параметрах образовательного процесса (средний балл ЕГЭ поступивших в вуз абитуриентов, количество учебных площадей, приходящихся на одного студента, и т.д.) и никак не учитывающий собственно результат функционирования учебных заведений, т.е. качество выпускаемых специалистов, их квалификацию, их востребованность на отечественных и мировых рынках труда.

В результате официально объявленной кампании по слиянию вузов, проводимой в свете политики сокращения их численности, принимаются решения, весьма спорные с точки зрения улучшения качества подготовки выпускников, например, присоединение Московского государственного института электроники и математики (МИЭМ) к Высшей школе экономики или присоединение РГТЭУ к Российскому экономическому университету им. Г.В.Плеханова.

Ряд экспертов утверждает, будто в перечень «неэффективных» вузов Москвы, подлежащих реорганизации, попали в основном учебные заведения, которым принадлежат здания в «престижных» районах города. Возможно, это является одной из причин, однако, по моему убеждению, не главной. Здесь мы подходим к сути вопроса – к ценовой политике образовательных учреждений.

Одно из важнейших обвинений в адрес Российского государственного торгово-экономического университета, выдвигаемое чиновниками из Минобрнауки, заключается в том, что этот вуз устанавливает демпинговые цены на обучение, а за такие деньги (приблизительно 50 тыс. руб. в год на одного студента) невозможно обеспечить студентам получение полноценного образования. В ответ коллектив РГТЭУ объяснил, что вуз тратит на обучение около 220 тыс. руб. в год в расчете на одного студента, что ненамного меньше, чем РЭУ им. Г.В.Плеханова, к которому он был присоединен (там эта сумма составляет около 250 тыс. руб.), однако берет эти деньги не с обучающихся студентов, а находит значительную их часть за счет других источников.

Иными словами, расправа с РГТЭУ есть не что иное, как борьба с демпингом на рынке образовательных услуг г. Москвы, попытка дальнейшей монополизации данного рынка и установления контроля над ним со стороны ведущих вузов города. Таким образом, в сфере «прополки» неугодных вузов мы видим в точности тот же подход, который имеет место и в предстоящем (и уже анонсированном) «прореживании» диссертационных советов.

Думается, что этот подход отвечает интересам монопольных структур, укрепляющих свои позиции, однако идет в ущерб интересам подготовки квалифицированных кадров для экономики страны.

Разумеется, если исходить из того, что Россия согласилась с навязываемой ролью сырьевого придатка для более развитых стран, то нам, конечно, не нужно большое коли-

чество образованного населения, да и вообще (заметим в скобках) такое количество населения. Но если мы все же хотим построить экономику, основанную на знаниях, как об этом неуклонно возвещает высшее руководство страны, то курс на сокращение количества вузов и количества обучающихся в них студентов для нас неприемлем [15].

Обеспечение становления и реализации стратегии инновационного прорыва предполагает системное решение указанных проблем, призванное сформировать макроэкономические предпосылки инновационных процессов. Не ставя во главу угла фактор скорости проводимых реформ в сфере образования, необходимо обеспечить в первую очередь их комплексность и последовательность.

Распутывание огромного клубка противоречий, в которых запуталась современная система высшего образования в нашей стране, вовсе не является неразрешимой задачей. Но для ее успешного решения надо ясно представлять себе, что концы нитей этого клубка лежат вне сферы собственно высшего образования, что противоречия современной высшей школы уходят своими корнями глубоко в систему общественных отношений, в материальные условия общественного бытия, и что поэтому ни реформу высшей школы, ни реформу аттестации научных кадров нельзя провести в отдельности от коренного реформирования всего общества.

III. Рынок издательских услуг: борьба с «неудобными» издательствами

Издательские услуги в течение последних лет стали в нашей стране одной из либеральных сфер экономики. Для осуществления полиграфической деятельности не требуется получение лицензии, как это было в 90-е годы, т.е. всего лишь несколько лет назад.

Тем не менее, и в данной сфере существуют попытки разделить издательства на «хорошие» и «плохие» по некоторым признакам, далеким от характера их издательской деятельности. В средствах массовой информации, прежде всего электронных, ряд издательств подвергается жесткой и не всегда справедливой критике, основанной на поверхностных и малообоснованных суждениях. В частности, именно таково отношение некоторых экспертов к немецкому издательству Ламберт (LAP – Lambert Academic Publishing).

Одним из последствий этой критики стали принятые учеными советами некоторых вузов и научных институтов дискриминационные решения о том, что научные монографии, вышедшие в издательствах подобного рода, приравниваются в лучшем случае к брошюрам, а то и вовсе не считаются научными публикациями и, таким образом, не учитываются при подсчете показателей результативности научной деятельности преподавателей и сотрудников. При этом одни организации вывешивают на своих сайтах соответствующие решения, принимаемые учеными советами [16], другие (например, Институт проблем управления им. В.А.Трапезникова РАН) постеснялись представить эти решения на своем официальном сайте, хотя фактически они вступили в силу уже давно, задолго до их обнародования, если таковое вообще состоится.

Каковы же причины, по которым книги этого издательства отнесены к разряду ненаучных? Основные претензии в адрес издательства Ламберт сводятся к следующему.

1. В издательстве Ламберт будто бы отсутствует процедура рецензирования рукописей.

Ни один серьезный официальный источник, в кулуарах распространяющий подобную информацию, никогда не отважится высказать ее публично, поскольку факт отсутствия процедуры рецензирования рукописей крайне трудно доказать. Процедура рецензирования является внутренним делом издательства, поэтому отсутствие упоминания рецензентов в тексте публикуемой книги не означает, что ее рукопись не прошла процедуры рецензирования.

Как и в любом издательстве, в издательстве Ламберт с каждым автором по каждой книге вопрос о публикации решается в индивидуальном порядке и заключается отдельный

договор об издании. Реализация этого принципа предполагает проведение хотя бы поверхностной экспертизы рукописи, представленной к публикации.

Для сравнения заметим, что в большинстве российских издательств процедура рецензирования поставлена крайне формально и ограничивается указанием фамилий рецензентов на второй странице книги, а сами рецензии (если их наличие вообще потребуется) приносит вместе с книгой автор или редактор, заранее подписав их у своих знакомых и друзей. Таким образом, формальный сбор рецензий не гарантирует научной значимости работы, а сама процедура рецензирования превращается в профанацию, и это, разумеется, не повышает, а снижает качество научных исследований.

2. Редакционный портфель издательства формируется на основе рассылаемого потенциальным авторам спама с предложением об издании их книг.

Каждое издательство в той или иной форме выражает свою заинтересованность в притоке авторов и приглашает их к сотрудничеству. Однако некоторые издательства помещают на страницах своих изданий или на своих официальных сайтах соответствующие слова «Приглашаем авторов к сотрудничеству», другие (например, Ламберт) направляют *персональные* приглашения авторам, чьи научные публикации заинтересовали экспертов издательства. Подобные приглашения получают не все подряд обладатели электронных адресов, как это происходит при формировании обычного спама, а люди, во всяком случае, замеченные в написании научных работ (не будем преждевременно называть их учеными). Такая практика свидетельствует именно о том, что сотрудники издательства осуществляют мониторинг текущих публикаций и, во всяком случае, информированы о научных достижениях своих потенциальных авторов, в отличие от издательств, чье приглашение к сотрудничеству не имеет конкретного адресата и которые поэтому нередко становятся жертвами назойливости откровенных графоманов.

Таким образом, предъявленный аргумент против научной состоятельности издательства Ламберт, напротив, несомненно, свидетельствует в его пользу.

3. В текстах некоторых книг, выпущенных издательством Ламберт, встречаются опечатки и плохо отредактированные фрагменты.

Подписывая договор об издании книги с издательством Ламберт, автор либо принимает услуги издательства по редактированию его рукописи (это обходится ему в 200 евро), либо отказывается от этих услуг, полностью беря на себя ответственность за качество редакционной правки. В этом случае на страницах издания содержится запись о том, что оно публикуется в авторской редакции, и соответствующая информация вносится в авторский договор. Редактирование текста – это дополнительная услуга, и она дополнительно оплачивается, такова общемировая практика.

Что же касается опечаток, то я убежден, что опечатки и даже ошибки, встречающиеся в книгах одних авторов, не должны влиять на оценку результатов научной деятельности других. Представьте себе учителя, который снижает оценку ученику за то, что его сосед по парте допустил ошибку. Подобную систему «оценки» результатов научной деятельности трудно как-то прокомментировать.

Тот факт, что для оценки показателей научной деятельности сотрудников используются **исключительно ненаучные** аргументы, свидетельствует об отсутствии научных критериев оценки [17].

4. Книги издательства Ламберт выпускаются, как правило, небольшим тиражом. Не предусмотрена процедура рассылки так называемых «обязательных» экземпляров, когда несколько бумажных экземпляров книги попадает в ведущие библиотеки страны.

Издание книги – это получение права на копирование *в любом виде* определенного набора символов, а не наличие ящиков или пачек, набитых бумажными экземплярами. В информационную эпоху получают все более широкое распространение электронные виды публикаций, в частности, электронные журналы, для которых не существует *ни одного* бумажного экземпляра, что, тем не менее, не препятствует признанию научной значимости результатов, содержащихся в соответствующих публикациях.

Что же касается современного книгоиздания, то большинство европейских и американских издательств перешло на систему Print on Demand, которая предполагает, что бумажных экземпляров книги печатается столько, сколько заказали издательству читатели. При этом ни одно *зарубежное* издательство не занимается рассылкой так называемых обязательных экземпляров через Книжную палату Российской Федерации, и издательство Ламберт в этом смысле не является исключением. Оно может по желанию автора за его счет обеспечить рассылку по необходимым адресам. Кстати, в российских издательствах за рассылку обязательных экземпляров также расплачивается заказчик этого издания (частное лицо или организация, за счет которого осуществляется издание).

Однако книги издательства Ламберт не становятся от этого менее доступными, чем, например, книги других зарубежных издательств (Springer или Hoover Institute Publishers). Они успешно продаются по всему миру в Интернет-магазинах типа Amazon или BookWeb, - равно как и книги других европейских и американских издательств.

Кроме того, авторы получают от издательства Ламберт полный макет своей книги в pdf-формате, причем это издательство (в отличие от большинства российских) никак не ограничивает права авторов на распространение электронной версии своих изданий, несмотря на то, что доступность электронной версии, несомненно, уменьшает поток желающих приобрести бумажную копию книги.

Таким образом, политика издательства идеально соответствует его официально обозначенной миссии – распространение научных знаний, создание максимально благоприятных условий доступности научных результатов для заинтересованных читателей.

5. Авторы, затратив совсем немного средств на публикацию научной монографии в Ламберте и подобных ему издательствах, быстро окупят понесенные затраты за счет получения надбавок за результаты научной деятельности.

Собственно, ситуация, когда усилия ученых окупают себя, является нормальным положением вещей. Почему ученый должен заниматься наукой себе в убыток и отдавать часть своей зарплаты на публикацию своих трудов? Тот факт, что мы привыкли к этому за долгие десятилетия, не означает, что это положение дел следует считать естественным.

Если же следовать этой логике, то можно вообще не учитывать научные публикации, выход которых из печати является для автора бесплатным. В этом случае для того, чтобы публикация считалась научной, необходимо будет доказать, что автор затратил на опубликование своей работы больше, чем когда-либо от нее получит. Если предъявишь приходный ордер или квитанцию об оплате – засчитаем твою работу в качестве научной, если нет – увы, недостойн.

Вновь ненаучные критерии оказываются решающими при оценке результатов научной деятельности.

6. Некоторые книги, публикуемые издательством Ламберт, не соответствуют критериям научных исследований.

Если издательство публикует некоторые материалы, не отвечающие определенным критериям научности, то этот факт не снижает научной значимости других работ, опубликованных в том же издательстве. С другой стороны, как справедливо отмечают Гленн Бигли и Ли Эллис из Онкологического центра М.Д.Андерсена (США), престижность журнала или издательства, в котором выходит публикация, отнюдь не являются гарантией высокого качества содержащихся в ней результатов [3].

Кстати, в большинстве широко известных в России издательств (например, «Наука») существуют так называемые коммерческие подразделения, которые выпускают книги на заказ (их тираж полностью оплачивается внешними заказчиками), причем ряд этих книг также не отвечает очевидным критериям научного исследования. Однако в случаях, когда мы берем в руки книгу, выпущенную в свет издательством «Наука», мы не видим информации о том, издана ли она в плановом порядке за счет средств научного учреждения или через коммерческий отдел за счет средств автора либо внешнего заказчика.

Если каждого автора, обратившегося в подобное издательство, заранее упрекать в ненаучности его работ, - это все равно, что каждого купившего кухонный нож арестовывать на том основании, что некоторые люди используют кухонные ножи в качестве орудия убийства.

Таким образом, я возражаю против самого принципа непризнания монографий научными публикациями на том лишь основании, что они опубликованы в издательстве, стиль работы которого не нравится некоторым коллегам.

Аргумент о том, что в издательстве Ламберт порой печатаются магистерские диссертации, уровень которых не отвечает полноценным научным исследованиям, также не выдерживает критики. Если нужно, научный руководитель даст рецензию своему студенту, и его напечатают в *любом* издательстве – лишь бы у него хватило на это денег.

И вот здесь мы подходим к самой сути вопроса. Дискриминационное решение о непризнании научными публикациями книг, вышедших в Ламберте, отнюдь не преграждает дорогу научной серости и бездарности, хотя люди, принявшие это решение, мотивируют его именно этим. Бизнесмен или чиновник, который пожелает считать себя ученым, вооружившись деньгами, отправится в издательство «Наука» или любое другое (а сейчас почти каждое некоммерческое издательство имеет в своем составе коммерческие подразделения, работающие на заказ) и получит книжку, которая хотя бы по формальным параметрам не вызовет подозрений в ненаучности.

А малоимущим выпускникам вузов и аспирантам эта процедура недоступна, для них остаются лишь возможности издания, не предполагающие оплаты за публикацию, чем, собственно, и хорош Ламберт. Прибавим к этому, что это издательство работает быстро, принимая решение о публикации книги или ее отклонении в сжатые сроки.

Таким образом, решение о непризнании вышедших в Ламберте публикаций отнюдь не проводит грани между «наукой» и «лженаукой», «талантом» и «бездарностью». Нет, это грань между имущими и неимущими, это решение, направленное на углубление социального расслоения, оно носит откровенно подчеркнутый, ярко выраженный **классовый характер** и закрывает дорогу тем, кто не в состоянии заплатить за публикацию своих результатов. Интересы какого класса защищают уважаемые ученые советы – для меня в данном случае очевидно.

Принятие подобных решений является позором для официальных инстанций, которые их принимают.

Решения такого рода направлены на обострение социального расслоения в стране, где оно и без того достигло опасной черты, и если прежде оно не слишком касалось интеллектуальной сферы, то с принятием подобных решений социальное неравенство и здесь будет сказываться достаточно сильно. В условиях, когда положение дел с финансированием научных исследований, мягко говоря, обстоит не блестяще, а научные кадры стремительно стареют из года в год, решения такого рода закрывают путь к публикации своих результатов прежде всего для малоимущих исследователей, - как правило, молодых людей. Они лишаются легальной возможности донести свои разработки до широких кругов научной общественности и вынуждены либо искать спонсоров на издание своих книг, либо стоять в очереди в течение долгих лет, пока старшие товарищи, наконец, позволят им опубликовать свои труды.

Таким образом, получается, что наши учреждения образования и науки на словах поддерживают молодых ученых, наделяя грантами и премиями лишь немногих избранных, и в то же время перекрывают дорогу к обнародованию научных результатов подавляющему большинству молодых исследователей.

Тем самым, в сфере издательской деятельности мы обнаруживаем ту же тенденцию к монополизации локального рынка, что и в сфере высшего образования, и в деятельности по присуждению ученых степеней. Причем эта тенденция во всех сферах неизменно усиливается под аккомпанемент заявлений о необходимости повышения качества соответствующих услуг.

IV. Квазимонополизм на рынках интеллектуальных услуг: что впереди?

В течение некоторого времени после прихода к власти новых лидеров на рубеже третьего тысячелетия в нашей стране возник социальный заказ на формулировку некой национальной идеи, которая объединила бы разные слои населения единой группой задач, стоящих перед развитием страны.

Впоследствии, когда клерикально-патриотические силы попытались монополизировать рынок общенациональных идей, эти разговоры несколько поутихли. Однако задача поиска национальной идеи в любом случае остается, ибо ее наличие позволяет мобилизовать людей разных социальных групп на решение текущих задач, объективно стоящих перед Россией.

Мне кажется, что сегодня, в условиях формирования экономики знаний, ответ на поставленный вопрос очевиден. Национальная идея, призванная объединить все население страны для достижения общих целей, должна звучать очень просто: Россия – страна умных!

Эта идея тем более привлекательна, что традиции отечественной науки и отечественного образования позволяют рассчитывать на серьезные внешние выгоды, которыми всегда сопровождается развитие этих сфер проявления человеческого духа.

Тем не менее, некоторые граждане нашей страны, в том числе и занимающие достаточно высокие посты, думают иначе. Они убеждены, что наше население является слишком образованным, и, подобно одному французскому монарху, считают, что общество, где все население поголовно грамотно, похоже на уродливого зверя, который во всех частях своего тела имеет глаза.

Ликвидация некоторой части российских вузов под достаточно надуманными предложениями, связанными с так называемым рейтингом эффективности, частично решает эту проблему. Следующим шагом на пути сокращения доли образованного населения в стране является возведение барьеров входа на рынки услуг, связанных с повышением квалификации, в частности, усложнение процедуры защиты диссертаций и предстоящее резкое сокращение количества диссертационных советов.

Казалось бы, можно этому только радоваться: ужесточение требований приведет к повышению качества специалистов, получающих высокие степени, и уж теперь наша страна получит «настоящих» кандидатов и докторов наук, удовлетворяющих самым взыскательным требованиям.

Однако не будем спешить с аплодисментами по поводу принятых решений. Гораздо интереснее (а главное – полезнее) заняться хотя бы кратким анализом последствий их реализации. Вообще анализ практических шагов, в которых нуждается реализация тех или иных (в том числе и весьма популярных) лозунгов обычно приводит если не к устойчивому неприятию каких бы то ни было заманчивых идей, то, во всяком случае, удерживает от поспешного присоединения к людям, их выдвигающим.

Принятое решение о резком сокращении количества диссертационных советов приведет к формированию огромных очередей, которые нужно будет выстоять в течение нескольких лет лишь для того, чтобы получить возможность высказаться, представить свои результаты. Вместо того, чтобы молодой человек, внесший вклад в науку, быстро получил формальное подтверждение значимости своих результатов и отправился реализовывать их на практике (на производстве, в научном учреждении, за университетской кафедрой и т.д.), он будет вынужден несколько лет жить в ожидании счастливой минуты, когда ученые мужи, наделенные правом присуждения ученых степеней, наконец, смогут его выслушать.

Естественно, что такая система аттестации научных кадров вызовет справедливые нарекания со стороны как рядовых соискателей ученых степеней, так и их руководителей, да и вообще большинства из тех, кто имеет отношение к сфере научных исследований. В

результате наверняка усилятся голоса людей, которые призывают покончить с этой системой вообще [18] и сделать «как на Западе» (хотя в разных странах Запада существуют очень разные системы аттестации научных кадров, но у нас в России под «Западом» в этом смысле понимают исключительно США).

Этот голос общественности будет радостно услышан властью, которая (на фоне почти всеобщего недоверия к ВАКу) с удовольствием ликвидирует существующую систему аттестации и предоставит право широкому кругу учебных заведений и научных учреждений присваивать ученую степень доктора от своего имени, - так же, как сейчас некоторые из них имеют право присваивать степени бакалавра и магистра. Таким образом, наша страна лишится *ученых* степеней (и вообще системы аттестации научных кадров) и полностью перейдет на систему квалификационной аттестации, в которой степени бакалавра, магистра и доктора станут последовательными ступенями *образовательного* процесса.

В скором времени после введения этой «инновации» станет понятно, что существующая совокупность научных учреждений для функционирования новой системы аттестации кадров попросту не нужна. С этим успешно справляются и образовательные учреждения, в которых выстроена система подготовки кадров любой квалификации, с учетом того, что наиболее сильные из них давно и успешно занимаются переподготовкой и повышением квалификации специалистов, уже получивших высшее образование.

Что касается научных исследований, то основная тяжесть этой работы уже сейчас плавно перемещается в вузы, несмотря на то, что во многих из них сохраняется практика сверхэксплуатации персонала. Согласитесь, трудно требовать серьезной научной работы от педагога, годовая учебная нагрузка которого составляет 800-1000 часов.

Таким образом, следующим шагом становится ликвидация Российской академии наук, которая в сложившейся системе окажется во всех отношениях слабым звеном. Первый шаг к этому был сделан чуть более года назад, когда академические структуры были переименованы в федеральные государственные бюджетные учреждения науки. Это переименование не случайно: если РАН является общественной организацией, то научные учреждения, находящиеся в системе РАН, отныне стали не общественными, а государственными учреждениями, т.е. напрямую подконтрольными правительству. Осталось отбросить за ненадобностью короткое слово «РАН» в названии академических институтов – и задачу ликвидации РАН можно в целом считать успешно решенной, хотя, возможно, она еще какое-то время формально будет функционировать, лишившись сколько-нибудь значимого влияния на тематику научных исследований, проводимых в рамках бюджетных учреждений науки, и не имея отношения к их финансированию.

В этом же направлении работает и складывающаяся в стране система крайне затратного, неэффективного расходования средств, направляемых на финансирование приглашенных ученых из-за рубежа (наших бывших соотечественников и не только), которые, тем не менее, неспособны внести существенный вклад ни в науку, ни в педагогический процесс.

Вместо того, чтобы открыть рынок квалифицированного труда для мигрантов из других стран, готовых работать в лабораториях наших научных институтов и на кафедрах наших вузов плечом к плечу с россиянами на тех же финансовых основаниях (т.е. не требуя больших денег), наше правительство принимает сомнительные решения о финансировании затратных и низкоэффективных научных проектов, связанных с пребыванием так называемых ведущих западных ученых в нашей стране. Это необходимо в первую очередь для того, чтобы затем, когда настанет подходящий момент для ликвидации РАН, высказать претензии к научному сообществу по поводу того, что оно, связанное по рукам и ногам подзаконными инструкциями, не обеспечило надлежащего качества научных исследований, несмотря на весьма солидное финансирование из государственного бюджета. Вопрос о том, что это финансирование достается совсем не тем, от кого следовало бы ожидать серьезных научных результатов, никакого значения иметь уже не будет.

Разумеется, ликвидация РАН будет проведена технично, под видом *реорганизации* системы научных исследований. Можно побиться об заклад, что специально для этой цели приберегается давно назревшее разделение Минобрнауки на Минобр и Миннауки. Естественно, что все федеральные государственные учреждения науки будут переподчинены Министерству науки, создаваемому якобы специально для этого. Данный шаг позволит заткнуть рты заядлым противникам фактической ликвидации РАН, объяснив им, что теперь «для них» создано отдельное ведомство, которое только и будет заботиться исключительно об их интересах.

Это решение о разделении ведомств будет преподнесено обществу как благодеяние, как подарок, несмотря на то, что оно станет всего лишь исправлением допущенной в свое время губительной и абсурдной ошибки, заключавшейся в их слиянии и не приведшей ни к чему, кроме утяжеления аппарата и усложнения управленческой структуры. По неволе приходит в голову шутка о том, как мало нужно человеку для счастья: достаточно в октябре выплатить ему зарплату за март.

Таким образом, осознанная дезорганизация работы некоторой управляемой системы – это, как правило, первый шаг к ее ликвидации. Поскольку эффективно функционировать она уже не может, то само ее наличие вызывает справедливую критику, звучат многочисленные предложения и даже требования ее радикального реформирования (выражаясь человеческим языком – уничтожения), которые немедленно принимаются и реализуются.

Итак, в действиях правительства в отношении российской науки просматривается очевидная логика, с головой выдающая дальновидность и предусмотрительность (выражаясь по-английски – форсайт) принимаемых мер, направленных на устранение существующей институциональной структуры, в рамках которой осуществляется исследовательский процесс. Как говорил Полоний в шекспировском «Гамлете», *though this be madness, yet there is method in't*: пусть даже это безумие, но в нем есть некая логика.

Ликвидация РАН позволит уничтожить ту часть российской экономической науки, которая в течение многих лет подвергала жесткой критике курс радикальных реформ, проводившийся в интересах наиболее богатых слоев населения под диктовку наших заокеанских коллег. После того, как с этим противовесом будет покончено, компрадорская позиция, отстаивающая либеральные экономические ценности, станет безальтернативной и единственно верной точкой зрения. Это состояние будет означать неблагоприятный, ухудшающий отбор (*adverse selection*), от которого трудно найти защиту.

Возможно, затем, через несколько лет, на обломках РАН возникнет ее «второе издание», сильно исправленное и дополненное, в котором ведущие кресла будут заняты именно могильщиками нынешней академии наук. Это уже не очень существенные детали, и вовсе не их реализация является подлинной целью тех, кто диктует последовательность действий по уничтожению нынешней РАН.

Как мы видим, дело даже не в личных амбициях отдельных людей, которые после неудачных попыток прорваться в члены Российской академии наук решили приступить к ее ликвидации. Предпринимаемые шаги решают гораздо более глубокую и перспективную задачу, нежели банальное сведение счетов.

Разрушенная научная среда уже не сможет эффективно противостоять попыткам оболванить население страны и загнать его в стойло пагубных преобразований, конечный итог которых, возможно, заключается в уничтожении России как единого государства.

Согласны ли мы с этим сценарием? Позволим ли ему реализоваться? Безразлично ли нам, в какой стране будут жить и работать наши дети?

Или все-таки Россия – это страна умных?

Литература

1. Кузина С. Расчеты показали: США рухнет через семь лет: Коллапс Америке предсказал российский ученый Петр Турчин, которого называют Нострадамусом от математики [Электронный ресурс, 08.03.2013]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1138431/>.
2. Костенкова О. Пора «остепениться»: Научной фикции объявили войну [Электронный ресурс, 21.02.2013]. – Режим доступа: <http://www.finam.ru/analysis/forecasts01398/default.asp>.
3. Иванов Р. Академические исследования в онкологии теряют доверие [Электронный ресурс, 19.01.2013]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1109195/>.
4. Будет опубликован рейтинг подозрительных диссоветов [Электронный ресурс, 08.02.2013]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1121568/>.
5. Ковалев С.В. Инновационные компьютерные технологии как средство обеспечения качества подготовки инженеров: социально-философский анализ / Диссертация на соискание уч. степени кандидата философских наук по спец. 09.00.11, 09.00.08. М., 2003.
6. Смирнов С.Д. Педагогика и психология высшего образования: от деятельности к личности: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 304 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.ru/get/doc/smirnov_serгей/pedagogika_i_psihologiya_visshego_obrazovaniya.zip.
7. Полат Е.С., Петров А.Е., Аксенов Ю.В. Концепция дистанционного обучения на базе компьютерных телекоммуникаций в России. М.: Институт общего среднего образования РАО, 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://scholar.urs.ac.ru/ped_journal/numero1/pedag/concept.html.
8. Педагогика: Учебное пособие для студентов педагогических вузов и педагогических колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. – М.: Педагогическое общество России, 1998. – 640 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://do.gendocs.ru/docs/index-157182.html>.
9. Полат Е.С., Петров А.Е. Общие требования к электронному учебнику, созданному на базе интернет-технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.distant.ioso.ru/library/publication/5.htm>.
10. Елизаров А.А. Дистанционное образование – 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://16-2-07.edusite.ru/DswMedia/distancionnoeobrazovanie.doc>.
11. Буркова Н.Г. Педагогический мониторинг как средство повышения эффективности подготовки учителя / Диссертация на соискание уч. степени канд. пед. наук по спец. 13.00.01. Москва, 1998. – 168 с.
12. Минобрнауки России публикует перечень диссоветов с максимальным количеством проведенных защит диссертаций в 2009-2011 гг. [Электронный ресурс, 08.02.2013]. – Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/3051>.
13. Уличенная в плагиате министр образования ФРГ ушла в отставку [Электронный ресурс, 09.02.2013]. – Режим доступа: <http://lenta.ru/news/2013/02/09/shavan/>.
14. Нижегородцев Р.М. Барьеры входа на рынке квалифицированного труда и перспективы формирования инновационной экономики в России// Управление инновациями – 2011: Материалы международной научно-практической конференции 14-16 ноября 2011 г. / Под ред. Р.М.Нижегородцева. М.: ЛЕНАНД, 2011. – С. 18-22.
15. Нижегородцев Р.М. Инновационное развитие общества и актуальные проблемы образования в России// Открытое образование: Научно-практический журнал. 2012. № 4 (93). — С. 51-62.
16. Вопрос об учете изданий в форме книг издательства LAP LAMBERT Academic Publishing в рейтинговой системе СГТУ имени Гагарина Ю.А.: Заседание рейтинговой комиссии, 31 октября 2012 г. [Электр. ресурс]. – Режим доступа: sstu.ru/files/ukk/ об учете изданий в форме ... (Загл. с экрана).

17. Нижегородцев Р.М. О ненаучных мотивах при расчете показателей результативности научной деятельности (ПРНД) и практике дискриминации "неудобных" издательств [Электронный ресурс, 17.02.2013]. – Режим доступа: http://inf-econ.ru/load/novosti_penauchnoj_zhizni/3.

18. Валерий Зубов: ВАК необходимо закрыть [Электронный ресурс, 21.02.2013]. – Режим доступа: <http://newsland.com/news/detail/id/1129922/>.

Правильная ссылка на эту статью такова:

Нижегородцев Р.М. Монополизация рынков интеллектуальных услуг: борьба с демпингом и неблагоприятный отбор //Методика преподавания экономических дисциплин: Материалы Четырнадцатых Друкеровских чтений/ Под ред. Р.М.Нижегородцева. М.: ООО «НИПКЦ Восход-А», 2013. - С. 4-26.